
DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8612

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЛАНЫ И ПОТЕНЦИАЛ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

И. М. Кузнецов¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: *Кузнецов И. М.* Долгосрочные планы и потенциал социально-культурной интеграции мигрантов (на примере Республики Саха (Якутия)) // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 146–161. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8612

Аннотация. В статье на основе данных опроса мигрантов, проведённого в 2020 г. в Республике Саха (Якутия), проводится анализ статистически достоверной связи вариантов долгосрочных планов мигрантов с переменными, отражающими такие социально-культурные аспекты интеграционного потенциала мигрантов, как готовность проживать среди представителей принимающего населения и мера реализации этой готовности, состав коллективов, в которых работают мигранты на момент опроса, наличие дружеских связей с представителями местного населения, мера идентификации с принимающим сообществом, отношение мигрантов к различным аспектам принимающей среды.

Проведённый анализ показал, что мигранты, ориентированные на оседание в принимающей среде (по сравнению с теми, кто ориентирован на временную трудовую занятость), чаще высказывают стремление селиться по соседству с представителями местного населения и чаще (при прочих равных условиях доступности жилья) живут по соседству с местным населением. Они чаще работают в коллективах, где примерно в равной мере представлены мигранты и местные, т. е. в большей степени включены в среду первичной социализации в принимающем обществе, чаще имеют друзей среди местного населения. Для этой категории мигрантов характерна высокая степень идентичности с принимающим сообществом, но без ущерба для идентификации с сообществами страны выезда (страновыми, национальными и религиозными и т. п.) В итоге делается вывод, что мигранты, имеющие планы на оседание в принимающей среде, обладают более высоким интеграционным потенциалом. При этом речь идёт именно об интеграции, предполагающей формирование «транснациональной» идентичности, а не об ассимиляции в принимающее сообщество. Таким образом, учёт долгосрочных планов мигрантов в мониторингах миграционной ситуации может служить основой для предварительной оценки интеграционного потенциала тех или иных категорий мигрантов, безотносительно к тому, как в дальнейшем могут быть реализованы эти планы.

Ключевые слова: потенциал социально-культурной интеграции; включённость в интеграционный процесс; долгосрочные планы мигрантов; идентификация мигрантов

Проблема социальной и культурной адаптации мигрантов в Российской Федерации и их интеграции в российское общество является одним из важных аспектов гармонизации межнациональных отношений как в Российской Федерации в целом, так и в отдельных её регионах. Это объясняется тем, что в по-

следние 10 лет основным источником межэтнической напряжённости стал интенсивный приток инокультурных мигрантов в активно развивающиеся регионы России [4, с. 26–27]. Как правило, ведущим фактором формирования мигрантофобии, приобретающей впоследствии этническую тональность, является ряд социально-культурных проблем взаимодействия принимающего сообщества и иноэтничных (инокультурных) мигрантов. В мировой практике оптимальной стратегией решения этих проблем и, как следствие, нормализации межэтнической ситуации является политика интеграции мигрантов в принимающее общество, что, например, отражено в декларируемых ЕС базовых принципах политики интеграции мигрантов¹.

Рабочая концепция и гипотеза исследования

Одним из неперемennых условий реализации политики интеграции является определение и обоснование критериев интеграции, позволяющих отслеживать, прогнозировать и корректировать ход самого процесса интеграции. Наиболее широко используемым инструментом оценки эффективности интеграционной политики является разработанный на международном уровне «Индекс политики интеграции мигрантов» (MIPeX) [11]. Показатели, составляющие этот инструмент, характеризуют в основном состояние институтов принимающего общества, их готовность удовлетворять адаптационные потребности мигрантов (при том что при определении этих потребностей создатели указанного индекса опираются на свои собственные, общегуманитарные представления о том, что необходимо мигрантам для успешной интеграции в принимающем обществе). Однако в этом инструменте практически не представлены индикаторы, которые характеризовали бы ход процесса социально-культурной интеграции мигрантов в принимающее общество, хотя важность этих аспектов интеграции признаётся на уровне уставных документов ЕС. Так, в одном из таких документов отмечается, что «интеграция не сводится только к изучению языка, обретению жилья и работы... это ещё и установление и поддержание межличностных контактов в сфере социального, культурного и спортивного взаимодействия»². Учёт некоторых параметров социально-культурной интеграции мигрантов проводится на уровне некоторых региональных мониторингов реализации интеграционной политики в странах ЕС. Например, в одном из мониторингов фиксируются такие

¹ Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU. European Economic and Social Committee. 2004. URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/common-basic-principles_en.pdf (дата обращения: 12.06.2021).

² Communication from the commission to the European parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. Action Plan on the integration of third country nationals. Brussels, 7.6.2016. COM (2016) 377 final. URL: <https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/europe-integration-action-plan-of-third-country-nationals-launched> (дата обращения: 15.06.2021). P. 12.

аспекты социально-культурной интеграции, как сравнительная частота контактов мигрантов со своими соотечественниками и представителями принимающего населения, общая оценка комфортности жизни в данном населённом пункте, сравнительная оценка меры ассоциации со страной выезда и принимающей страной¹. Однако эти измерения иногда имеют формальный характер. Так, оценка комфортности проживания на данной территории интерпретируется как показатель чувства принадлежности к принимающему сообществу.

Наше особое внимание к показателям, характеризующим уровень социально-культурной интеграции, объясняется тем, что применительно к российскому историко-культурному контексту именно социально-культурная интеграция мигрантов (и соответствующие диспозиции принимающего общества) оказывает существенное влияние на состояние межнациональных отношений. Как показывают исследования последних лет, неприязненное, настороженное отношение к инокультурным мигрантам значимо связано с уровнем претензий к их поведению в принимающей среде, но отнюдь не с их этнической или конфессиональной принадлежностью [6]. Иначе говоря, неприятие мигрантов обусловлено их слабой интегрированностью в повседневные стандарты взаимодействия локального принимающего сообщества. Это означает, что при оценке интегрированности мигрантов речь должна идти не столько о формальном принятии представителей каких-то иных национальных сообществ в состав принимающего населения (в том числе и по критериям МІРЕХ), сколько о превращении ранее для данного региона «чужих» этнических групп в «свои», наряду с другими «ино»-этничными сообществами, уже воспринимаемыми как автохтоны данных локальных территорий и которые сами себя воспринимают органической частью как местного, так и российского сообщества. В бытовом плане такой переход из «чужих» в «свои» можно заметить, когда национальность человека воспринимается в обыденном взаимодействии исключительно как одна из характеристик его индивидуальности, а не как маркер его принадлежности к какому-то сообществу, отличному от сообщества местных жителей.

В нашем подходе совокупность характеристик, определяющих, с одной стороны, готовность местного населения принимать у себя инокультурных и иноконфессиональных приезжих, и с другой — ожидания-требования принимающего населения к желаемому поведению и образу жизни мигрантов, составляет содержание понятия «интеграционный потенциал принимающего населения». Точно так же под интеграционным потенциалом мигрантов понимается совокупность диспозиций, сигнализирующих о готовности мигрантов стать признанными, лояльными членами принимающего сообщества и ожидания того, что это сообщество, со своей стороны, готово принять в том или ином виде некоторые поведенческие и мировоззренческие особенности, от которых данная

---

¹ Der Hessische Integrationsmonitor. Daten und Fakten zu Migration, Integration und Teilhabe in Hessen. Fortschreibung 2020. URL: https://www.hessen.de/sites/default/files/media/hessischer_integrationsmonitor_2020.pdf (дата обращения: 15.06.2021). P. 168, 227–228.

группа мигрантов не может отказаться полностью без потери своей этнической (а иногда и личностной) идентичности, особенностей, которые впоследствии могут быть закреплены как вклад данной этнической группы в общепринятую культуру принимающего общества [1].

Если говорить об уровне интеграционного потенциала мигрантов, то наши исследования прошлых лет показывают, что он в первую очередь связан с их жизненными планами: или мигранты ориентированы на временную работу в России, чтобы решить экономические проблемы, возникшие на их родине, и потому слабо мотивированы к интеграции в принимающую среду, либо приезжие планируют остаться в России насовсем, строить здесь свой дом и семью уже как полноправные члены российского сообщества и, в силу этого, мотивированы к интеграции [3, с. 276]. При этом мы согласны с тем, что мигранты, «даже живущие в России уже несколько лет, вовсе не проявляют отчётливого желания полностью иммигрировать в Россию и стать российскими гражданами... Приезжие вовсе не стремятся отказаться от своей социокультурной принадлежности, они живут в постоянной мобильности и не спешат становиться полностью похожими на местных жителей» [8, с. 44]. Можно лишь добавить, что мигранты, даже планирующие осесть в России, не обязательно реализуют свои планы.

Однако это вовсе не мешает нам высказать предположение, что мигранты, ориентированные на оседание в России, имеют более высокий интеграционный потенциал, т. е. они в большей мере мотивированы стать «своими» в принимающей среде, вписаться в повседневную культуру принимающего локального сообщества. Иначе говоря, мы рассматриваем долгосрочные планы мигрантов исключительно как один из показателей уровня их интеграционного потенциала, независимо от того, в какой мере и в каких формах эти планы реализуются на практике.

Задача настоящей статьи — показать связь долгосрочных планов мигрантов со стратегиями их обустройства в принимающей среде. В практическом отношении учёт долгосрочных планов мигрантов может помочь конкретизировать, сделать адресными управленческие и организационные решения, направленные на реализацию политики интеграции мигрантов.

Применительно к гипотезе нашего исследования мы операционализировали понятие «интеграционный потенциал мигрантов» в переменных, характеризующих собственно интеграционный потенциал, таких как предпочтение соседства с представителями принимающего общества или соотечественниками, мера идентификации с принимающим и посылающим сообществами. Также мы использовали переменные, характеризующие не столько потенциал мигрантов, сколько результирующий эффект взаимодействия мигрантов (с их конкретным потенциалом интеграции) и представителей принимающего общества (с характерным для данного общества интеграционным потенциалом). Это такие переменные, как фактическое соседство с представителями местного населения, работа в мигрантском или смешанном коллективе, наличие друзей

среди местного населения, участие в совместных досуговых (праздничных) мероприятиях. Эти переменные, применительно к мигрантам, позволяют судить о мере их включённости в интеграционный процесс, т. е. во взаимодействие с представителями принимающего общества на личностном уровне. Те же переменные, применительно к представителям принимающего сообщества, характеризуют меру включения в тот же интеграционный процесс принимающего населения. Помимо этого, мы использовали блок вопросов, фиксирующих разные измерения интеграционного потенциала, такие как мера готовности стать «своими» в принимающем сообществе, восприятие принимающей среды как более или менее комфортной для мигрантов данной этнической принадлежности, имеющей или нет свою социально-культурную специфику, более или менее терпимой к инокультурным включениям [1, с. 9–10].

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса мигрантов, проведённого в сентябре 2020 г. в рамках совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Методом «снежного кома» были опрошены по месту работы 500 внешних мигрантов, выходцев из республик Киргизия (40% всех опрошенных), Узбекистан (40%) и Таджикистан (20%). Особенности выборки определялись тем, что в контексте проблем гармонизации межнациональных отношений и, в частности, отношений с внешними инокультурными мигрантами основной задачей является интеграция в повседневную культуру принимающей среды тех мигрантов, которые в силу своей профессиональной деятельности и образа жизни находятся в поле зрения принимающего населения и чаще с этим населением контактируют. Поэтому среди опрошенных преобладают мигранты, занятые в сфере услуг, торговли и общественного питания, транспорта, в совокупности они составляют 77% опрошенных. И 23% выборочной совокупности – это мигранты, работающие в производственной сфере (строительство и т. п.). В принципе, такое соотношение сфер занятости мигрантов в нашей выборке в целом соответствует профилю занятости мигрантов, выявленному на общероссийских выборках [5, с. 72]. Необходимо отметить также, что в настоящей статье мы намеренно абстрагировались от особенностей регионального контекста взаимодействия мигрантов и представителей принимающего населения в РС(Я) и рассматривали данные по такому взаимодействию скорее как аналитическую модель для изучения тех сторон взаимодействия, которые могут быть характерны для большинства принимающих сообществ России.

Сравнительный социально-демографический профиль мигрантов с разными планами на пребывание в принимающем обществе

Базовым показателем, сигнализирующим об уровне интеграционного потенциала мигрантов, являются их долгосрочные планы на пребывание в принимающем сообществе (табл. 1).

Таблица 1

Долгосрочные планы мигрантов, %

Планы мигрантов	Доля мигрантов
Остаться в РС(Я) навсегда	25,0
Заработать денег и через несколько месяцев вернуться в страну, откуда приехал(а)	11,6
Поработать год-другой и вернуться в страну, откуда приехал(а)	22,2
Постоянно ездить между РС(Я) и страной, откуда приехал(а)	25,0
Пожить в РС(Я) немного и переехать в другой регион России	7,6
Загруднились ответить	8,6

Среди опрошенных мигрантов можно выделить три группы, которые существенно отличаются по своим планам пребывания в принимающей среде. Это, во-первых, мигранты, ориентированные на оседание в республике опроса (25%). Во-вторых, циркулярные мигранты (25%), которые могут через определённое время принять решение либо о переселении в республику (или другой регион России), либо о том, чтобы и дальше курсировать между Россией и страной выезда. И в-третьих, временные трудовые (иногда используется термин «краткосрочные») мигранты (в совокупности 41% от всех опрошенных), ориентированные на то, чтобы заработать в России определённые денежные средства и уехать. В дальнейшем анализе мы ограничимся рассмотрением диспозиций и особенностей этих трёх групп мигрантов.

Указанные группы статистически значимо различаются своими социально-демографическими профилями, и прежде всего по возрасту (табл. 2) и семейному положению (табл. 3).

Анализируя данные, представленные в таблице 2, можно заметить отчётливую тенденцию: с возрастом растёт доля мигрантов, планирующих остаться в принимающем сообществе на постоянное жительство, и сокращается доля тех, кто ориентирован на временный заработок. У циркулярных мигрантов каких-то значимых различий, связанных с возрастом, не наблюдается.

Таблица 2

Долгосрочные планы у мигрантов разных возрастных групп, %*

Долгосрочные планы	Возрастная группа, лет		
	До 30	31–40	41–50
Мигранты, ориентированные на переселение	18,0	35,1	42,6
Циркулярные мигранты	27,0	23,6	32,4
Временные трудовые мигранты	55,0	41,2	25,0

*В данном случае мы не рассматриваем ответы мигрантов старше 50 лет, поскольку их доля в выборке составляет 3,2%.

Другая такая тенденция (относительно самостоятельная, но отчасти связанная с возрастом) прослеживается при анализе долгосрочных планов мигрантов, имеющих разный семейный статус (табл. 3). Переменная «семейный статус» сконструирована нами на основе данных о семейном положении мигранта и местонахождении семьи на момент опроса. В результате были выделены три группы мигрантов: (1) не имеющие семьи; (2) имеющие семью, которая осталась на родине; (3) проживающие в РС(Я) вместе с семьёй (полностью или частично).

Таблица 3

Долгосрочные планы у мигрантов с разным семейным статусом, %

Долгосрочные планы	Семейный статус		
	Не состоят в браке	Семья на родине	Проживают с семьёй
Мигранты, ориентированные на переселение	20,0	14,5	44,0
Циркулярные мигранты	25,3	37,7	21,1
Временные трудовые мигранты	54,7	47,8	34,9

Как видно из сопоставления данных, представленных в таблице 3, тенденция на оседание в принимающем сообществе в наибольшей степени характерна для мигрантов, проживающих вместе со своей семьёй, а временная трудовая занятость – для тех, кто не состоит в браке. Циркулярный сценарий занятости реализуется в большей мере мигрантами, у которых семья проживает на родине. Как можно заключить из интервью с мигрантами, для тех из них, кто оставил семью на родине, циркулярная миграция является промежуточным вариантом, чтобы обустроиться на новом месте, прежде чем перевезти туда и семью.

Наконец, обнаруживается статистически значимая связь долгосрочных планов мигрантов и сферы их занятости¹ (табл. 4).

¹ В нашем случае это или сфера обслуживания в широком смысле, включая торговлю, общественное питание, общественный транспорт, ЖКХ и т. п., или производственная сфера, строительство, добыча полезных ископаемых и т. п.

Таблица 4

**Долгосрочные планы у мигрантов,
занятых в разных сферах экономики принимающего общества, %**

Долгосрочные планы	Сферы занятости	
	Производственная сфера	Сфера обслуживания
Мигранты, ориентированные на переселение	17,8	30,1
Циркулярные мигранты	22,8	29,0
Временные трудовые мигранты	59,4	40,9

Мигранты, ориентированные на оседание в принимающей среде, чаще заняты в сфере обслуживания, а временные трудовые мигранты в большей степени работают в производственной сфере. Циркулярные мигранты примерно в равных долях распределены между сферами занятости.

В итоге мы можем сформулировать представление о сравнительном социально-демографическом профиле мигрантов, имеющих разные долгосрочные планы, т. е. представление о том, как одна из рассматриваемых категорий мигрантов отличается от другой по социально-демографическим характеристикам. Планы на оседание в принимающей среде характерны преимущественно для мигрантов старше 30 лет, проживающих в принимающей среде вместе с семьёй (полностью или частично), а планы на временный заработок — для молодых людей до 30 лет, ещё не имеющих собственной семьи. Определить социально-демографический профиль циркулярных мигрантов не представляется возможным.

Как было установлено в исследованиях прошлых лет, мигранты, имеющие разные долгосрочные планы, существенно различаются по жизненным задачам, которые они хотят решить путём приезда в Россию. Ориентация на социальный и личностный рост (например, найти интересную работу, открыть свое дело, устроить личную жизнь, жить более независимо) отчётливо связана с планами на постоянное проживание (53% тех, кто собирается остаться в России, указали именно такие цели переезда). Миграции с целью преимущественно заработка столь же устойчиво связаны с ориентацией на временное проживание (71% мигрантов, приехавших на время, указали цель переезда «заработать денег для себя и своих родственников») [7, с. 18]. С учётом того, что это люди разного возраста и семейного положения, можно ожидать, что они будут по-разному воспринимать принимающую среду: или как преимущественно экономический ресурс, освоение которого может им помочь решить материальные проблемы на родине (в случае временной трудовой занятости), либо как новую социальную среду дальнейшей жизни, социального и личностного роста, в том числе и обеспечения комфортной и безопасной жизни для своей семьи (в случае ориентации на оседание в принимающей среде). А это, в свою очередь, предполагает разный уровень мотивации к интеграции в принимающую среду и сказывается на сценариях обустройства в ней.

Включённость в интеграционный процесс мигрантов с разными долгосрочными планами

Выше мы уже отмечали, что наиболее эффективным способом освоения принятых в принимающей среде обычаев взаимодействия, стандартов поведения является активное взаимодействие с представителями принимающего сообщества. И первый шаг на этом пути – проживание по соседству с местными (табл. 5).

Таблица 5

Предпочитаемое соседство у мигрантов с разными долгосрочными планами, %

Долгосрочные планы	Предпочтительное соседство		
	Среди местного населения	Соседство безразлично	Среди своих земляков
Мигранты, ориентированные на переселение	33,9	29,2	11,4
Циркулярные мигранты	29,4	26,5	26,6
Временные трудовые мигранты	36,7	44,2	62,0

Данные, представленные в таблице 5, позволяют увидеть отчётливую тенденцию: мигранты, ориентированные на оседание в принимающей среде, значительно чаще предпочитают селиться среди местного населения, и наоборот – временные трудовые мигранты в большей мере стремятся жить среди своих соотечественников. Если учесть, что подавляющее большинство опрошенных мигрантов (65%), независимо от их долгосрочных планов, считают, что среди их соотечественников принято селиться рядом со своими, то можно сказать, что мигранты, планирующие остаться в принимающем сообществе, осознанно нарушают сложившийся сценарий группового приспособления к новым условиям.

Понятно, что реализация представленных выше предпочтений расселения во многом зависит от возможностей, представляемых данной конкретной принимающей средой. Данные о расселении мигрантов в РС(Я), полученные в ходе опроса, свидетельствуют о том, что подавляющее большинство мигрантов (81%) живут по соседству с представителями местного населения, что характеризует соответствующий уровень интеграционного потенциала конкретного принимающего сообщества. Но и на этом фоне возможности жить среди местного населения, предоставляемые принимающей средой, значимо чаще используются мигрантами, ориентированными на переселение (табл. 6).

Представленный ниже показатель реального расселения мигрантов в принимающей среде одновременно характеризует как стремление мигрантов к контактам с местным населением, так и возможности реализации этого стремления в данном конкретном принимающем сообществе. Как мы уже указывали выше, данные о расселении мигрантов характеризуют не только и не столько интеграционный потенциал мигрантов (или принимающего населения), сколько являются по-

казателем включённости мигрантов в интеграционный процесс, отражающим результат взаимодействия обеих сторон этого процесса. И в этом плане можно утверждать, опираясь на данные, представленные в таблице 6, что мигранты, ориентированные на переселение, оказываются включёнными в этот процесс в несколько большей степени, нежели временные трудовые мигранты.

Таблица 6

Реальное соседство у мигрантов с разными долгосрочными планами, %

Долгосрочные планы	Есть ли у Вас соседи из числа представителей местного населения?	
	Да, преимущественно из местных	Нет соседей из местных
Мигранты, ориентированные на переселение	30,2	15,1
Циркулярные мигранты	27,8	25,6
Временные трудовые мигранты	42,0	59,3

Другим таким показателем, не столько интеграционного потенциала (или мигрантов, или принимающего общества), сколько меры включённости в интеграционный процесс, является характеристика состава коллектива, в котором работают мигранты (табл. 7).

Таблица 7

Состав трудового коллектива у мигрантов с разными долгосрочными планами, %

Долгосрочные планы	Какой состав коллектива, в котором Вы сейчас работаете?	
	В основном мигранты	Смешанный состав
Мигранты, ориентированные на переселение	17,4	34,5
Циркулярные мигранты	27,3	26,9
Временные трудовые мигранты	55,3	38,6

При прочих равных условиях, т. е. при возможностях, соответствующих определённому уровню интеграционного потенциала принимающей среды (в нашем случае – РС(Я)), мигранты, ориентированные на переселение, заметно чаще работают в смешанных коллективах, а нацеленные на временную занятость – в мигрантских коллективах.

Решающим условием интеграции мигрантов в принимающую среду является установление дружеских межличностных связей с представителями местного населения, что даёт возможность взаимодействия с представителями принимающей среды вне сферы профессиональной деятельности. Работа в смешанном трудовом коллективе, особенно для мигрантов, – это практически идеальная стартовая площадка для освоения обычаев и стандартов повседневного взаимодействия, принятых в принимающем обществе, установления межличностных, дружеских отношений с представителями этого общества. Поэтому логично будет

ожидать, что мигранты, работающие в смешанных трудовых коллективах, будут иметь больше друзей среди представителей местного населения, о чём наглядно свидетельствуют данные, представленные в таблице 8.

Таблица 8

Наличие друзей среди местного населения у мигрантов, работающих в коллективах разного состава, %

Какой состав коллектива, в котором Вы сейчас работаете?	А у вас есть друзья из представителей местного населения?	
	Есть друзья среди местных	Нет друзей среди местных
В основном мигранты	35,5	62,0
Смешанный состав	64,5	38,0

И поскольку мигрантов, ориентированных на переселение, чаще можно встретить в смешанных трудовых коллективах, мы можем ожидать, что наличие дружеских связей с местными будет более характерно именно для этой группы мигрантов (табл. 9).

Таблица 9

Наличие друзей среди местного населения у мигрантов с разными долгосрочными планами, %

Долгосрочные планы	А у вас есть друзья из представителей местного населения?	
	Есть друзья среди местных	Нет друзей среди местных
Мигранты, ориентированные на переселение	31,4	14,0
Циркулярные мигранты	29,1	21,5
Временные трудовые мигранты	39,4	64,5

У временных трудовых мигрантов дружеский круг чаще составляют или их соотечественники, или другие мигранты. Надо полагать, что для большинства мигрантов этой категории межличностное взаимодействие с представителями принимающего населения не является эффективным инструментом реализации целей и задач их приезда в республику.

Отдельной переменной, характеризующей интеграционный потенциал мигрантов, является мера их идентификации с принимающим сообществом, т. е. мера сформированности у них чувства принадлежности к новому сообществу [9, с. 91].

Из данных, представленных в таблице 10, с очевидностью следует, что мигранты, ориентированные на переселение, статистически значимо чаще ассоциируют себя с жителями России, Республики Саха (Якутия) и с жителями тех населённых пунктов, в которых они проживают, т. е. с принимающей средой на всех уровнях. Но при этом не отличаются от мигрантов с иными долгосрочными планами в мере ассоциации себя с жителями государств выезда, с земляками, людьми их национальности и веры. Это, помимо всего прочего, означает, что мигранты, в планах которых переселение на принимающую территорию, готовы именно к интеграции, но не ассимиляции в принимающем обществе. Такая вы-

сокая мера ассоциации с принимающим сообществом (практически равная мере ассоциации с сообществами страны выезда) свидетельствует, на наш взгляд, о высоком потенциале формирования у мигрантов, ориентированных на переезд, «транснациональной» идентичности, связывающей в сознании мигранта то сообщество, откуда он приехал и то, где живёт сейчас [10, с. 7].

Таблица 10

Параметры идентификации мигрантов с разными долгосрочными планами, %

Часто ощущают общность, близость	Долгосрочные планы			В среднем по массиву
	Мигранты, ориентированные на переселение	Циркулярные мигранты	Временные трудовые мигранты	
1. С жителями России	76,2	69,7	54,5	64,7
2. С жителями республики Саха (Якутия)	82,8	70,8	52,0	65,7
3. С жителями населённого пункта, где проживают	83,1	72,1	56,1	68,0
4. С гражданами того государства, откуда приехали	83,7	81,3	88,7	83,7
5. С земляками	90,3	85,4	91,7	89,6
6. Со всеми, кто приехал из средней азии	49,6	44,2	40,4	43,9
7. С людьми своей национальности	89,5	88,6	91,7	90,2
8. С людьми своей веры	90,2	84,4	90,7	88,9

Представленные выше данные о высоком интеграционном потенциале мигрантов, ориентированных на оседание в принимающем обществе, их большей включённости во взаимодействие с представителями принимающего населения можно дополнить данными о таких измерениях этого потенциала, как готовность стать «своими» в принимающем обществе, отношение к особенностям повседневной культуры, восприятие границ дозволенного (табл. 11).

Мигранты, ориентированные на оседание, значительно чаще, чем временные трудовые мигранты демонстрируют готовность «вписаться» в принимающее сообщество, стать в нём «своими» (п. 1 в табл. 11). Эта готовность подкрепляется тем, что они в меньшей степени, чем временные мигранты, склонны считать принимающую среду некомфортной для постоянного проживания (п. 2 в табл. 11). В частности, они реже считают, что в культуре принимающего населения есть особенности, к которым трудно привыкнуть (п. 3 в табл. 11). И в то же время, и это крайне важно, они в меньшей степени воспринимают принимающую среду как территорию, где можно вести себя по собственным правилам, т. е. они отчётливее видят «красные линии» принимающей культуры (п. 4 в табл. 11).

Таблица 11

Восприятие принимающей среды мигрантами с разными долгосрочными планами, %

Насколько Вы согласны или не согласны со следующими высказываниями...	Долгосрочные планы			В среднем по массиву
	Мигранты, ориентированные на переселение	Циркулярные мигранты	Временные трудовые мигранты	
1. Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями Республики Саха (Якутия)	81,9	55,0	30,8	51,8
2. Я бы НЕ посоветовал своим землякам переезжать на постоянное жительство в Республику Саха (Якутия)	20,7	22,2	33,5	26,7
3. В образе жизни коренных жителей Республики Саха (Якутия) есть особенности, к которым моим землякам трудно привыкнуть	44,5	55,4	62,4	55,4
4. Республика Саха (Якутия) – это многонациональная территория, и здесь каждый вправе вести себя согласно своим традициям и обычаям	77,5	86,4	90,8	85,9

Заключение

Учёт долгосрочных планов мигрантов на пребывание в России является составной частью отечественных мониторингов социально-экономического самочувствия мигрантов. Так, по данным одного из таких мониторингов 2020 г., более половины опрошенных мигрантов высказали намерение остаться в России навсегда [2, с. 103]. Однако ряд экспертов по проблемам миграции обоснованно сомневаются в том, что планы мигрантов обязательно будут реализованы [8, с. 45].

Проведённый нами анализ связи долгосрочных планов мигрантов и их диспозиций в отношении принимающего сообщества показывает, что эта переменная может использоваться для предварительной оценки интеграционного потенциала мигрантов, пребывающих на территории России, независимо от того, как и в каком формате реализуются их планы. Была обнаружена статистически достоверная связь между долгосрочными планами мигрантов и переменными, характеризующими меру их включённости (реальной или предполагаемой) в общение с представителями принимающего сообщества на разных уровнях – от соседства до дружеских связей. Мигранты, планирующие осесть в принимающем

обществе, чаще идентифицируют себя с этим обществом и его социально-культурными традициями. Если учесть, что процесс взаимодействия мигрантов и местного населения – это, пожалуй, единственная эффективная форма взаимной интеграции, то можно сделать вывод, что мигранты, имеющие планы на оседание в принимающей среде, в большей мере включены в интеграционный процесс, т. е. обладают более высоким интеграционным потенциалом. При этом речь идёт именно об интеграции с высокой вероятностью формирования «транснациональной» идентичности, а не готовности ассимилироваться в принимающее сообщество.

В итоге учёт долгосрочных планов мигрантов в мониторингах миграционной ситуации может служить основой для предварительной оценки интеграционного потенциала тех или иных категорий мигрантов, безотносительно к тому, как в дальнейшем могут быть реализованы их планы.

Список литературы

1. Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М. Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива // Мир России. 2021. Т. 30, № 2. С. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25.
2. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3). С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.
3. Кузнецов И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся. Ежегодник Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 273–288.
4. Межэтническая напряжённость в меняющемся социальном контексте: результаты исследования. ИНАБ. 2017. № 1 / [М. Ф. Черныш и др.]; Отв. редактор М. Ф. Черныш. Электрон. текст. дан. (объем 1,7 Мб). М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 133 с. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD-ROM). DOI: 10.19181/inab.2017.1.
5. Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда // Статистика и Экономика. 2017. № 6. С. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79.
6. Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте : [монография] / Л. М. Дробижина [и др.] ; отв. ред. Л. М. Дробижина, С. В. Рыжова. Институт социологии РАН. М. ; СПб. : Нестор-История, 2016. 400 с.
7. Социальная среда российских городов в восприятии «гастарбайтеров» и местного населения / К. С. Григорьева, И. М. Кузнецов, В. И. Мукомель, А. Л. Рочева. М. : ИС РАН, 2010. 83 с.
8. Трудовая миграция и политика интеграции мигрантов в Германии и России: Коллективная монография / Ред.-сост. М. С. Розанова ; Пер. с англ. М. С. Розановой и А. Б. Лесохина. СПб.: Центр гражданских, социальных, научных и культурных инициатив «СТРАТЕГИЯ»; Скифия-принт. 2016. 192 с.

9. Эндрюшко А. А. Интеграция в российское общество мигрантов из Азербайджана и других стран постсоветского пространства: сравнительный анализ // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 84–95. DOI: 10.31857/S013216250009906-9.

10. *Basch, L., Glick-Schiller, N. and Szanton-Blanc, C.* Nations Unbound: Transnational Projects, Postcolonial Predicaments, and Deterritorialized Nation-States. Gordon and Breach Science Publishers, Langhorne, PA. 1994. 356 p.

11. *Solano G. & Huddleston T.* Migrant Integration Policy Index 2020. Barcelona/ Brussels: CIDOV and MPG: URL: <https://www.mipex.eu> (дата обращения: 13.06.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Игорь Михайлович — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: ingvar31@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 75911

Дата поступления в редакцию: 17.06.2021. Принята к печати: 12.07.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8612

Long-Term Plans and Potential for Social and Cultural Integration of Migrants (Example of the Republic of Sakha (Yakutia))

Igor M. Kuznetsov

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Kuznetsov I. M. (2021). Long-term plans and potential for social and cultural integration of migrants (example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9, № 4. P. 146–161. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8612

Abstract. The article, based on the data of a survey of migrants conducted in 2020 in the Republic of Sakha (Yakutia), analyzes the statistically valid relationship of variations in long-term plans of migrants with variables reflecting socio-cultural aspects of their integration potential.

The analysis showed that migrants who are focused on settling in a host society (as compared to those who are focused on temporary employment) more often express their desire to settle in the neighborhood with representatives of the local population and more often live in the neighborhood of local population. They are more likely to work in teams where migrants and locals are approximately equally represented. Hence, they are more included in the space of primary socialization in the host society. More often they have friends among the local population, with whom they spend their leisure time. This category of migrants is characterized by a high degree of identity with the host community, but without loss of identification with the communities of the country of departure (country, ethnic, religious, etc.). As a result, it is concluded that migrants who have plans to settle in the host environment have a higher integration potential.

Keywords: potential of socio-cultural integration, involvement in the integration process, long-term plans of migrants, identification of migrants.

REFERENCES

1. Arutyunova E., Kuznetsov I. (2021). Integratsionnyy potentsial prinimayushchego obshchestva: sravnitel'naya regional'naya perspektiva [The Integration Potential of the Host Society: A Comparative Regional Perspective]. *Mir Rossii*. Vol. 30, № 2. P. 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25. (In Russ.).
2. Denisenko M., Mukomel V. (2020). Trudovaya migratsiya v Rossii v period koronavirusnoy pandemii. [Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic] *Demograficheskoye obozreniye*. № 7(3). P. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637. (In Russ.).
3. Kuznetsov I. M. (2008). Migranty v megapolise i provintsii: variativnost realizatsii integratsionnogo potentsiala. [Migrants in the megalopolis and provinces: the variability of the implementation of the integration potential]. *Rossiya reformiruyushchayasya. Yezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. Vyp. 7. M. : Institut sotsiologii RAN publ. P. 273–288. (In Russ.).
4. *Mezhetnicheskaya napryazhonnost v menyayushchemsya sotsialnom kontekste: rezultaty issledovaniya*. INAB. 2017. № 1. [Interethnic tensions in a changing social context: research results. INAB. 2017. № 1]. Ed. by M. F. Chernysh. M. : FNISTS RAN publ. 133 p. DOI 10.19181/inab.2017.1. (In Russ.).
5. Mukomel V. I. (2017). Migranty na rossiyskom rynke truda: zanyatost, mobilnost, intensivnost i oplata truda. [Migrants at the Russian labor market: occupations, mobility, intensity of labor and wages]. *Statistics and Economics*. № 6. P. 69–79. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-6-69-79. (In Russ.).
6. *Positivnyye mezhnatsionalnyye otnosheniya i preduprezhdeniye neterpimosti: opyt Tatarstana v obshcherossiyskom kontekste*. Ed. by L. M. Drobizheva, S. V. Ryzhova. Institut sotsiologii RAN publ. M. ; SPb. : Nestor-Istoriya. P. 88–117. (In Russ.).
7. *Sotsialnaya sreda rossiyskikh gorodov v vospriyatii «gastarbayerov» i mestnogo naseleniya*. (2010). [The social environment of Russian cities in the perception of “guest workers” and the local population]. M. : IS RAN publ. 83 p. (In Russ.).
8. *Trudovaya migratsiya i politika integratsii migrantov v Germanii i Rossii*. (2016). [Labor migration and the policy of integration of migrants in Germany and Russia]. Ed. by M. S. Rozanova. Per. s angl. M. S. Rozanovoy i A. B. Lesokhina. SPb. : Tsentr grazhdanskikh, sotsialnykh, nauchnykh i kulturnykh initsiativ «STRATEGIYA»; Skifiya-print. 192 p. (In Russ.).
9. Endryushko A. A. (2020). Integratsiya v rossiyskoye obshchestvo migrantov iz Azerbaydzhana i drugikh stran postsovetского prostranstva: sravnitel'nyy analiz. [Benchmarking in Integration of migrants from Azerbaijan and other post-Soviet countries] *Sotsiologicheskoye issledovaniya*. № 11. P. 84–95 DOI: 10.31857/S013216250009906-9. (In Russ.).
10. Basch L., Glick-Schiller N. and Szanton-Blanc C. (1994). Nations unbound: transnational projects, postcolonial predicaments, and deterritorialized nation-states. Gordon and Breach Science Publishers, Langhorne, PA. 356 p.
11. Solano G. & Huddleston T. (2020). *Migrant Integration Policy Index 2020*. Barcelona / Brussels : CIDOB and MPG: URL: <https://www.mipex.eu> (date of access: 13.06.2021).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Igor Mikhailovich, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS.
E-mail: ingvar31@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6914-3355
Web of Science Researcher ID: I-5636-2013
Scopus Author ID: 57193693307

The article was submitted on June 18, 2021. Accepted on July 12, 2021.